

THE HEBREW UNIVERSITY
OF JERUSALEM

ЕВРЕЙСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
В ИЕРУСАЛИМЕ

SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

JUDAICA PETROPOLITANA

Scholarly Journal

Научно-теоретический журнал

№ 5 2016

Jerusalem
5776

Санкт-Петербург
2016

Академия
Исследования Культуры

УДК 30.2+94(3)+811.411(05)

ISSN 2307-9053

The International Center for University
Teaching of Jewish Civilization
The Hebrew University of Jerusalem

Международный центр
университетского преподавания
еврейской цивилизации
Еврейский университет в Иерусалиме

Department of Jewish Culture
at Saint Petersburg State University

Кафедра еврейской культуры
Санкт-Петербургского
государственного университета

JUDAICA PETROPOLITANA

Editorial Council:

G. Akhiezr (Jerusalem/Ariel), H. Ben-Shammai (Jerusalem), B. Chicsa (Turin), A. Dykman (Jerusalem), P. Fenton (Paris), D. Fishman (New York), S. Goldin (Jerusalem), G. Khan (Cambridge), A. B. Kovelman (Moscow), J. Nom de Deu (Madrid), A. Rofe (Jerusalem), D. E. Rozenon (Moscow/Jerusalem), J. R. Russel (Cambridge, MA), S. Ruzer (Jerusalem), S. Stampfer (Jerusalem).

Editorial Board:

Editors-in-Chief: C. Aslanov (The Hebrew University of Jerusalem), I. R. Tantlevskij (St. Petersburg State University).

Editor: I. Lurie (The Hebrew University of Jerusalem).

Executive secretaries: M. Berkovich (The Hebrew University of Jerusalem), E. S. Norkina (St. Petersburg State University), A. A. Sinityn (St. Petersburg State University), V. V. Fedchenko (St. Petersburg State University), I. S. Kaufman (St. Petersburg State University), D. S. Kurdybailo (St. Petersburg State University), I. N. Shpирko (St. Petersburg State University).

Technical Secretary: K. V. Ryabova (St. Petersburg State University).

Редакционный совет:

Г. Ахизер (Иерусалим/Ариэль), Х. Бен-Шаммай (Иерусалим), С. Гольдин (Иерусалим), А. Дикман (Иерусалим), А. Б. Ковальман (Москва), Б. Кьеза (Турин), Х. Ном де Деу (Мадрид), Д. Р. Рассел (Кембридж, Масс.), А. Рофэ (Иерусалим), Д. Е. Розенсон (Москва/Иерусалим), С. Рузер (Иерусалим), П. Фентон (Париж), Д. Фишман (Нью-Йорк), Г. Хан (Кембридж), С. Штампфер (Иерусалим).

Редакционная коллегия:

Главные редакторы: С. Асланов (Еврейский университет в Иерусалиме); И. Р. Тантлевский (Санкт-Петербургский государственный университет).

Редактор: И. Лурье (Еврейский университет в Иерусалиме).

Исполнительные секретари: М. Беркович (Еврейский университет в Иерусалиме); Е. С. Норкина (Санкт-Петербургский государственный университет), В. В. Федченко (Санкт-Петербургский государственный университет), А. А. Ситинцын (Санкт-Петербургский государственный университет), И. С. Кауфман (Санкт-Петербургский государственный университет), Д. С. Курдыбайло (Санкт-Петербургский государственный университет), И. Н. Шпирко (Санкт-Петербургский государственный университет).

Технический секретарь: К. В. Рябова (Санкт-Петербургский государственный университет).

All contributions submitted to *Judaica Petropolitana* are peer-reviewed

Все публикуемые в журнале *Judaica Petropolitana* статьи проходят экспертную оценку

Номер подготовлен к изданию и опубликован в рамках проекта:

This issue was prepared for publication and printed in the framework of the project:

Российский
научный
фонд

Российского научного фонда | Russian Science Foundation
(проект № 15-18-00062; Санкт-Петербургский государственный университет)

при поддержке | thanks to the financial support of:

Российского Еврейского Конгресса | Russian Jewish Congress

Фонда «Генезис» | Genesis Philanthropy Group

Издательство «Академия Исследования Культуры»
197343, Россия, Санкт-Петербург,
ул. Чапыгина, д. 6, лит. А

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2016
© Еврейский университет в Иерусалиме, 5776
© Коллектив авторов, 2016

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

- О. Rakitianskaia** (*University of South Africa*)
BIG CATS IN THE HEBREW BIBLE: ANTHROPOLOGICAL ORIGINS
OF IMAGE DUALITY 5
- Ф. В. Шелов-Коведяев** (*Российский общественно-политический центр*)
ПРЕВРАТНОСТИ ПЕРЕВОДА: К ВОПРОСУ ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ
ПРИТ. 29:25 25
- М. Freikman** (*Hebrew University of Jerusalem*)
“IT HAPPENED IN TSEIDAN, REGARDING A TREE”: A PROPOSED
IDENTIFICATION OF A MEGALITHIC MONUMENT OF KHIRBET ВТЕНА . . . 32
- Р. В. Светлов** (*Санкт-Петербургский государственный университет*)
ЮЛИАН АПОСТАТ И ОБЩИНЫ ИУДЕЕВ 42
- I. Slater** (*Ben-Gurion University*)
“THOSE WHO YEARN FOR THE DIVINE”: RABBI SHMUEL ALEXANDROV
AND THE RUSSIAN RELIGIOUS-PHILOSOPHICAL RENAISSANCE 55
- А. Jakubczak** (*University of Warsaw*)
JEWS AS THE AVANT-GARDE OF ANTI-PROSTITUTION DISTURBANCES
AT THE BEGINNING OF THE 20TH CENTURY 69

ЕВРЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

- А. В. Зорницкий** (*Житомирский государственный университет им. И. Франко*)
ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ И. БУРГА
И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В НАЛИЧЕСТВУЮЩИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ
ИСТОЧНИКАХ 83

M. Schulz (<i>Columbia University</i>)	
FOR RACE IS MUTE AND MAME-LOSHN CAN SPEAK. YIDDISH PHILOLOGY, CONCEPTIONS OF RACE, AND DEFENSE OF YIDISHKAYT . . .	98
J. Rock (<i>Humboldt University</i>)	
SPAIN AND SEPHARDIC-JEWISH IDENTITY FORMATION IN SARAJEVO TODAY	128

ОБЗОРЫ

INTERNATIONAL CONFERENCE “THE CRIMEA — CROSSROADS OF CIVILIZATIONS: HISTORY, LITERATURE AND CULTURAL INTERACTION OF CRIMEAN PEOPLES”	150
A. A. Sinitsyn (<i>St. Petersburg State University</i>)	
МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «MID-DOR LA-DOR: ЯЗЫК И КУЛЬТУРА ЕВРЕЕВ»	156
E. С. Норкина, В. В. Федченко (<i>Санкт-Петербургский государственный университет</i>)	

ЕВРЕЙСКИЕ ЯЗЫКИ

А. В. Зорницкий, *Житомирский государственный университет
им. Ивана Франко, avaratira@yandex.ru*

ОСОБЕННОСТИ АВТОРСКОГО СЛОВОУПОТРЕБЛЕНИЯ И. БУРГА И ИХ ОТОБРАЖЕНИЕ В НАЛИЧЕСТВУЮЩИХ ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКИХ ИСТОЧНИКАХ¹

Резюме: В статье осуществляется попытка комплексной дескрипции индивидуально-авторских особенностей словоупотребления И. Бурга, наблюдаемых в сборниках рассказов «Под старыми небесами», «На каждом шагу», «Два мира» и «Переключка времен», однако не представленных или неточно представленных в наличествующих словарях языка идиш. При этом особое внимание уделяется лексемам, могущим с высокой степенью вероятности рассматриваться как специфически буковинские диалектизмы. В статье описаны 22 заимствования из русского, немецкого и украинского языков, встречающиеся в идиолекте автора, многие из которых могут быть использованы лексикографами для расширения диалектологической составляющей готовящихся к изданию словарей языка идиш.

Ключевые слова: язык идиш, буковинский идиш, Иосиф Бург, индивидуально-авторское словоупотребление, идишская лексикография.

Andrii Zornitskyi, Ivan Franko Zhytomyr State University

PECULIARITIES OF Y. BURG'S WORD USAGE AND THEIR REFLECTION IN AVAILABLE LEXICOGRAPHIC SOURCES

Abstract: The paper attempts a complex description of the peculiarities of Yoysef Burg's individual-contextual word usage, with special emphasis on potential

---

¹ Настоящая публикация подготовлена при поддержке ассоциации 'Jewish Galicia and Bukovina,' Jerusalem.

Bukovinian Yiddish dialectal words, employed in the author's short story collections 'Under the Old Skies', 'At Every Turn', 'Two Worlds', and 'Times Are Calling To One Another' and yet unregistered, or fallaciously registered in available dictionaries of the Yiddish language. Described are twenty two Russian, German, and Ukrainian borrowings in the author's idiom, many of which can be used by lexicographers for the purpose of expanding the dialectal component of prospective Yiddish dictionaries.

Keywords: Yiddish language, Bukovinian Yiddish, Yoysef Burg, individual-contextual word usage, Yiddish lexicography.

Широко известно, что проблема изучения лексического состава различного рода «субстандартных²» языков — главным образом разговорных, характеризующихся значительной диалектной раздробленностью, зачастую менее престижных по сравнению с языками межнационального общения или, наоборот, канонизированных поклонниками соответствующей культурной традиции и проч. — требует особо внимательного к себе отношения ввиду обилия факторов, еще более усложняющих эту и без того непростую задачу. Подобная ситуация особенно наглядно проявляется в случае с изучением языков, число носителей которых сравнительно невелико, а сфера языковой компетенции последних существенно сужена (например, ограничена рамками конкретного диалекта или социолекта определенного языка), что не всегда позволяет исследователю прибегнуть к проверенным методикам интервьюирования в контексте традиционного дескриптивного подхода. При этом характерно, что в случае с языками, стремящимися все же выработать собственную более или менее жесткую литературную норму, соответствующая исследовательская задача еще более усложняется, оказываясь вовлеченной в мощное силовое поле естественно возникающих пуристических тенденций. В частности, в отличие от практики изучения более распространенных языков, которая зачастую нацелена на максимальную полноту описания языкового материала, наличествующие словари «субстандартных» языков, подчиняясь иным, куда более практическим нуждам, в большинстве случаев откровенно игнорируют огромное количество закономерно присутствующих в любом языке периферийных лексем (экзотизмов, варваризмов, локализмов, авторских окказионализмов и проч.), нередко трактуя наличие последних в речевом потоке как, по сути, череду разрозненных и бессистемных проявлений языковой интерференции³.

---

² Условный и вполне безоценочный термин «субстандартный язык» употребляется нами в отношении, в частности, идиша вместо более распространенных, но, как нам представляется, дискуссионных терминов «умирающий язык» или, соответственно, “postvernacular language.”

³ Например, довольно популярным среди носителей идиша является мнение, согласно которому этот язык следует считать специфически «открытым», — в частности, допускающим широкую возможность использования слов и выражений из иных

Парадоксальным результатом сложившихся тенденций в лексикографии, в частности, идиша является ситуация, при которой разрыв между пуристически ориентированными словарями и оригинальными текстами классиков становится трудно преодолимым даже для носителей языка, слабо владеющих инодиалектной лексикой или соответствующим иностранным языком, ставшим для того или иного автора источником окказиональных заимствований. Ввиду этого, наряду с расширением диалектологического компонента наличествующих словарей идиша, важным направлением лексикографической работы в этой области является подготовка материалов для разного рода дифференциальных словарей (особенно так называемых «словарей языка писателя»), которые, особенно в контексте уже упоминавшейся «открытости» идиша, могли бы служить органичным и необходимым дополнением к традиционным справочным изданиям.

Исходя из вышесказанного, целью настоящей статьи является комплексное описание внелитературной лексики, которая представлена в текстах рассказов известного буковинского писателя Иосифа Бурга, включенных в сборники «Unter alte himlen», «Af shrit un trit», «Tsvey veltn» и «Iber fun tsaytn». При этом мы, введ за Л. Г. Самотик [Самотик 2013: 19–31], рассматриваем лексемы подобного рода не только в узком контексте авторской лексикографии, но и как потенциальный материал для создания различного рода дифференциальных толковых словарей, ввиду чего особое внимание уделяется тем лексическим единицам, которые либо вовсе не зафиксированы в наиболее полных словарях языка идиш, либо приводятся в них неточно или неполно. Объектом исследования является широкий спектр лексикологических характеристик выделяемых лексем, в то время как предметом исследования являются собственно лексикографические параметры последних. Принимая во внимание качество и тематическую направленность наличествующих лексикографических изданий⁴, при проведении исследования нами использовались словари С. Бейнфельда и Г. Бохнера, А. Гаркави, С. Рохкинд и Г. Шкляра, У. Вайнрайха, А. Солдатова, Б. Вайнблата, а также иные, вспомогательные источники.

По результатам проделанной работы приведем перечень интересующих нас лексических единиц, в котором значение, вероятная этимология, особенности употребления и т. п. каждой из составляющих сопровождаются необходимыми комментариями и пояснениями. По техническим причинам иллюстративные примеры приводятся в латинской транслитерации.

контактирующих языков без собственно говоря заимствования таких лексем в словарный состав литературного идиша (*di yidishe klal-shprakh*). В этом смысле небезынтересно вспомнить явно пристрастное, но от этого не менее показательное высказывание А. Зарецкого, в свое время полагавшего, что разница между фразами *ikh efn di farzamlung* и *ikh otkrivaue di sobrane* является чисто стилистической [Greenbaum 1998: 25].

⁴ Аргументированный обзор современной идиш-«восточнославянской» лексикографии приводится в работе [Федченко 2013].

Исходя из этимологии и порожденного ею статуса соответствующего заимствования в лексической системе языка идиш, нижеприведенный перечень лексем может быть с известной степенью условности разделен на три группы: заимствования из русского языка (чаще всего варваризмы и экзотизмы), заимствования из немецкого языка (буковинские диалектизмы или книжная лексика) и, наконец, заимствования из украинского языка, представляющие собой наиболее сложные и интересные примеры языковой интерференции. При этом, на наш взгляд, в последнем (и отчасти в предпоследнем) случае можно говорить не столько об индивидуально-авторском, сколько о диалектном (буковинском или, как минимум, «горно»-буковинском) статусе соответствующих заимствований.

К первой группе заимствованных лексем относятся, как правило, однозначные слова, имеющие дискретное семантическое значение, слабо связанное с реалиями собственно еврейского быта. Таковы, в частности, не регистрируемые в словарях лексемы **vatnik** — ‘стеганая ватная куртка или безрукавка, ватник’ и **kirzever** — ‘изготовленный из кирзы, кирзовый’:

«Froyen in vatnikes un shvere kirzeve shtivl hobn opgereynikt di gasn fun tsigl-brukh...»⁵ [Burg 1983: 4];

koft(le) — ‘кофта (кофточка)’ (приводится лишь в словаре С. Рохкинд — Г. Шкляра):

«A zunen-shtral tsaplt arum, tantst afn meydls geblimlt koftele»⁶ [Burg 1983: 23];

shompol — ‘стержень для чистки и смазки канала ствола ручного стрелкового оружия, шомпол (также использовался для нанесения ударов в виде наказания)’ (приводится лишь в словарях С. Рохкинд — Г. Шкляра и А. Солдатова):

«Ven vaysgvardeyishe tayln hobn zikh arayngerisn in Tshelyabinsk, vert zi arestirt un groyzam gepaynikt, me shmayst zi mit nahaykes un shompoln»⁷ [Burg 1983: 30–31];

kapiushon — ‘откидной головной убор, пришитый или пристегиваемый к вороту верхней одежды, капюшон’ (приводится лишь в словаре С. Рохкинд и Г. Шкляра; несмотря на французское происхождение изначального

---

⁵ ‘Женщины в ватниках и кирзовых сапогах убрали с улиц битый кирпич...’ (здесь и далее перевод с идиша наш — А. З.).

⁶ ‘Солнечный луч порхает <по купе>, танцует на ее (досл. «девушкиной» — А. З.) кофточке в цветочек’.

⁷ ‘Когда белогвардейские части ворвались в Челябинск, ее арестовывают и подвергают жестоким мучениям, избивая нагайками и шомполами’.

caruchon, источником заимствования в данном случае стал, на наш взгляд, все же русский язык):

«Un mir hot zikh gedakht, az ikh her di trit fun di asketish-yezuitishe ordn-treger, ongetonene in shvartse sutanes, mit shpitsike kapiushonen af di gegolte kep...»⁸ [Burg 1997: 63];

pape — ‘папа’ (в этом значении приводится лишь в словарях У. Вайнрайха и А. Солдатова; при этом интересно отметить, что в словаре А. Гаркави упоминается полный омоним со значением ‘(из детского языка) хлеб’, по-видимому, не имеющий отношения к анализируемой лексеме). Несколько носителей различных диалектов/социолектов идиша, интервьюированных автором настоящей статьи, отмечали наличие в знакомой им идишской речи анализируемой лексемы как более «интимной» по сравнению с нормативным *tate*:

«Bald vet zayn Nay-yor... der pape vet endikn... Er vet zikh mer nit tse-sheydn mit Naurn»⁹ [Burg 1980: 64] и проч.

В некоторых случаях употребляемые И. Бургом авторские лексемы являются, скорее, не заимствованиями, а лексическими новообразованиями, созданными в соответствии со словообразовательными моделями языка идиш на базе наличествующих в нем корневых морфем. Таковы, в частности, лексемы **brizgn** — ‘брызги’ (ср. наличие лексемы *brizgalke* — ‘шприц’ в словаре А. Гаркави, а также глагола *brizgen* — ‘брызгать’ в словарях Б. Вайнблата и С. Рохкинд — Г. Шкляра):

«Khvalies zenen ongelofn, zikh ibergegosn in toyznter blishtshendike brizgn un arumgenumen ire fis»¹⁰ [Burg 1997: 88];

kudriave (ср. лексему *kudre* со значениями ‘пучок, прядь (*волос*), локон’ (*tuft, lock*), упоминаемую в словаре А. Гаркави):

«...af a lonke, badekt mit yungn zaftikn grins, vayslt zikh a tsherede shof, glaykh a vaysler kudriave volkn volt fun himl aropgefaln»¹¹ [Burg 1997: 81];

partizaneven — ‘партизанить’ (ср. наличие в нормативном идише слов *partizan, partizanish*):

⁸ ‘И мне почудилось, что я слышу шаги членов ордена аскетов-иезуитов, одетых в черные сутаны с остроконечными капюшонами, накинутыми на выбритые тонзуры...’.

⁹ ‘Скоро будет Новый год... Папа закончит <работу>... И больше не будет разлучаться с Науром...’.

¹⁰ ‘Набегающие на берег волны дробились на тысячи брызг и обнимали ее ноги’.

¹¹ ‘... на лужайке, покрытой молодой сочной зеленью, белеет стадо овец, как будто с неба упало кудрявое белое облако’.

«Er hot afile a gevisе tsayt partizanevet do, in di vaysrusishe velder»¹² [Burg 1997: 122] и проч.

Особняком стоят два случая употребления более сложных калек с русского, представленные лексемами **betlerish** и **tsekhrastet**. В первом случае, речь, вероятнее всего, идет о лексеме, приводимой в словаре А. Гаркави в форме *betlerl* со значением «маленький нищий», мелодия уличных попрошаек» (“little beggar”, *beggar’s tune*) и приобретающей вышеупомянутую форму по аналогии, например, с русским *сыграть/спеть/затянуть застольную/цыганскую/ямщицкую* и т. п.:

«— Elye! — hot mayn tate zikh oysgedreyt tsu eynem fun di klezmer. — Anu, shpil oys a betlerish, nor azoy, s’zoln di strunes veynen»¹³ [Burg 1980: 137].

Во втором случае имеем лексему, приводимую в словарях У. Вайнрайха и С. Бейнфельда — Г. Бохнера со значениями ‘с растрепанными волосами’ и ‘в расстегнутой на груди одежде’ (*disheveled, unbuttoned (at the chest)*), а также в словаре С. Рохкинд — Г. Шкляра, но лишь со значением ‘распахнутый, расстегнутый’:

«Zayn kreffiker guf shpart unter di vant, un zayn horike Brust iz ingantsn tsekhrastet»¹⁴ [Burg 1980: 133].

При этом интересно отметить то обстоятельство, что, за исключением приставки *tse-* и суффиксальной части циркумфикса *-t*, данная лексическая единица не воспринимается как идишская, поскольку глагол *khrasten или его варианты в наличествующих словарях идиша отсутствуют. На наш взгляд, анализируемая лексема могла быть создана под воздействием русского *расхристанный* — ‘в расстегнутой или разорванной одежде, растрепанный’ (ср. наличие обоих оттенков значения у идишского *tsekhrastet*) с последующей заменой корневого гласного. Причины подобной замены, как нам представляется, можно попытаться объяснить при помощи двух основных (и, что важно, взаимно непротиворечивых) гипотез. С одной стороны, при подобной постановке вопроса наверняка имело место желание говорящих устранить нежелательные межкультурные ассоциации (ср. народную этимологию русского *расхристанный* — «расстегнувший/разорвавший рубаху так, что обнажился нательный крест»). С другой стороны, продуктивным представляется сопоставление идишского *tsekhrastet* с укр. *захарашувати (захарашений)* — ‘загромождать, захламлять (загроможденный, захламленный)’, рассматриваемым в каче-

¹² ‘Он даже какое-то время партизанил здесь, в белорусских лесах’.

¹³ ‘— Эля! — отец повернул голову к одному из музыкантов. — А сыграй-ка нам нищенскую, но только так, чтобы струны аж плакали’.

¹⁴ ‘Его сильное тело подпирает стену, а волосатая грудь широко расхристанна’.

стве своеобразного векторного антонима (при этом, однако, слова типа *розхаращувати в украинском языке отсутствуют).

На стыке первой и третьей групп заимствований наблюдаем также некоторое количество лексем, условно говоря, «восточнославянского» происхождения, которые, будучи изначально заимствованными идишем в суженном значении, в авторском словоупотреблении И. Бурга, тем не менее, восстанавливают его исходный объем, фиксируемый в словарях русского/украинского языков, но не идиша. Примером лексем подобного типа может служить глагол **hulien** — ‘пировать, веселиться, кутить’, но не ‘быть в движении, перемещаться в разных направлениях (о ветре, сквозняке и т. п.)’, хотя в рассказе «Mayn bereyshis» читаем:

«A vint hot gehuliet iber di puste boydemer (sic! — А. З.) un azoy gerisn di tselektste shindlen, glyakh emetser volt in shvere shtivl getoptshet iber di dekher...»¹⁵ [Burg 1997: 8];

Лексема **onstroyen**, судя по данным словарей, употребляется в идише лишь в значении ‘настраивать (*музыкальный инструмент*)’, но не ‘налаживать, приводить в нужное техническое состояние (*прибор, механизм*)’; вместе с тем, у Бурга встречаем:

«Entfert oysgerekhnt, vi a gut ongestroyeter mekhanizm»¹⁶ [Burg 1997: 77]
и проч.

Как уже упоминалось выше, вторая группа интересующих нас лексем включает заимствования из немецкого языка, подчас имеющие коннотацию подчеркнутой литературности. При этом следует отметить, что выделяемые нами заимствования, на наш взгляд, не являются в полной мере так называемыми «дайчмеризмами», то есть словами немецкого происхождения, искусственно внедряемыми в идиш с целью его «улучшения», поскольку ввиду широкой распространенности немецкого языка на территории Буковины интерференция между обоими близкородственными языками во многом носила естественный характер (ср. свободное владение И. Бургом немецким и, по некоторым данным, в лучшем случае пассивное «понимание» украинского¹⁷).

Ярким примером заимствований подобного типа является лексема **flider** — ‘сирень’ (ср. нем. *Flieder*), встречающаяся в тексте рассказа,

---

¹⁵ ‘По пустым чердакам гулял ветер и с такой силой рвал дырявую кровельную драпку, что казалось, будто кто-то, обутий в тяжелые сапоги, топчется по крышам’.

¹⁶ ‘Отвечает рассудительно, будто хорошо отлаженный механизм’.

¹⁷ В частности, возможность владения писателем как литературным, так и разговорным украинским языком (т. н. «суржиком») категорически отрицал в беседе с автором настоящей статьи известный лингвист акад. В. Москович, некогда лично знакомый с И. Бургом.

фигурирующего под названиями «Nit gekumen» и «Benkshaft» в сборниках «Unter alte himlen» (1980 г. издания) и «Tsvey veltn» (1997 г. издания) соответственно. При этом интересующая нас лексическая единица, исправленная на нормативное *bez* с тем же значением (ср. укр. диал. *без* и польск. *bez*) в, по-видимому, сильно отредактированном издании 1980 г., дважды появляется в издании 1997 г., снабженная пояснительной сноской «*bez (dial.)*» (автор примечания, как и редактор издания в целом, не указан, вполне возможно, сноска была вставлена самим автором):

«Bazunders in di nekht hot der flider geotemt sharf un zis, un dem frishn toy af di zaftike tsvaygn hot bagosn a tsarter, zilberner levone-shayn»¹⁸ [Burg 1997: 49];

«Der vayser flider badekt dem zuns kop, un Berlen dakht zikh, az dos iz er azoy groy gevorn in zayn tsvantsikstn friling»¹⁹ [Burg 1997: 55].

Учитывая же, что вариант текста, озаглавленный как «Benkshaft», во многом представляет собой сокращенную версию рассказа 1980 г., лексема *flider*, наряду с рядом иных словарных единиц, тем более заслуживает внимания как пример внесенного автором изменения (с целью восстановления оригинального вида рукописи?), не подчиненного общей тенденции к сокращению и, таким образом, нуждающегося в ином объяснении.

Примерами заимствований из немецкого языка, имеющих подчеркнуто литературную коннотацию, могут, на наш взгляд, служить лексические единицы **hemem** — ‘заглушать’ (ср. нем. *hemmen* — ‘тормозить, сдерживать, препятствовать’):

«Di batogike klangen zenen geven gehemte, ayngeltene, glykh der frost volt farkovet dem roysh fun gas un mentshn un gedemert mit a bloylekher umetiker shtimung»²⁰ [Burg 1997: 22];

и **farlust** — ‘потеря’ (ср. нем. *Verlust* — ‘потеря, убыток’; данная лексема упоминается в словаре У. Вайнрайха как синонимичная по отношению к *onver* и *aveyde*, имеющим значение ‘потеря’ (*loss*), а также приводится в словаре С. Рохкинд и Г. Шкляра):

---

¹⁸ ‘Сирень, особенно по ночам, источала резкий и сладкий запах, и свежая роса на ее налитых ветках струилась нежным, серебристым лунным светом’.

¹⁹ ‘Белая сирень покрывает голову сына, и Берлу кажется, что это он так поседел в свою двадцатую весну’.

²⁰ ‘Дневные звуки казались приглушенными, сдавленными, словно мороз сковал шум улицы и людей, принесся с собой тоску голубоватых сумерек’.

«A grandieze simfonie fun shteyn, vos bletert uf troyerike milkhome-zaytlekh, dertseylt fun groyse farlustn un fun nokh gresern heroizm»²¹ [Burg 1983: 54].

К этой же группе лексем относится не зафиксированный в словарях галицийско-буковинский диалектизм **ranish** (вероятно, от искаженного нем. Rheinischer Gulden, ср. тж. укр. *ринський*) — ‘(австро-венгерский) гульден’. В рассказе «Shplitters» интересующая нас лексическая единица используется как элемент фольклорной вставки — песенки, которую напевает портной, — что, безусловно, свидетельствует в пользу диалектного, а не индивидуально-авторского статуса анализируемой лексемы:

«A shnayder neyt a gantse vokh, / Fardint a ranish mit a lokh»²² [Burg 1980: 143].

Относительно заимствований последней, третьей, группы следует отметить, что большинство из них зарегистрированы в тех или иных словарях идиша и, таким образом, на первый взгляд не могут претендовать на статус индивидуально-авторских. Однако при этом можно в целом ряде случаев наблюдать тенденцию, состоящую в употреблении автором подобных лексических единиц в значении, более или менее близком к зафиксированному в словарях, но все же не тождественном ему, а подчас и весьма существенно с ним расходящемся. При этом переинтерпретация значения чаще всего направлена на сближение идишского словоупотребления с украинским, что, особенно учитывая уже упоминавшиеся сомнения относительно степени владения автором украинским языком, может, на наш взгляд, служить свидетельством скорее диалектного характера соответствующих лексем, порожденного особой, локальной интерференцией двух контактирующих языков.

Показательным примером подобных заимствований может служить лексема **aynnuren**:

«Der farnakht hot ongerukt mit a derdiktn troyer, un Shifre di vesherin iz gezesn bam ayzernem hrubele, gevaremt ire royte, tseveykte hent, un gedanken, vi shotns, zaynen gekrokhn in kop. Zi iz gezesn bavegloz, glyakh zi volt gedrimlt, un epes a toyte midkayt hot oysgekukt durkh di shpeltelekh fun ire halbfarmakhte farshotnte oygn. Di shoen hobn zikh getsoygn vi di kelt, lang un umetik... A rege tsu a rege zaynen nisht keyn tsvey reges... Shifre hot zikh ayngenuret in zikh aley. Di gel-royte flamen hobn getantst af ir ponem,

²¹ ‘Грандиозная каменная симфония, перелистывающая трагические страницы войны, которые повествуют о больших потерях и еще большем героизме’.

²² ‘Портной шьет целую неделю, / А зарабатывает ломаный (досл. «дырявый» — А. З.) грош’.

vos iz inem oranzheve likht geven bazunders bleykh, ernst un oysgezen vi tsheshnitn, un di sthilkayt hot modne geklungen in di oyersn» [Burg 1997: 30].

Согласно данным словарей, идишская лексема *aunnuren zikh* имеет лишь одно (довольно, впрочем, разветвленное) значение — ‘прислоняться, прижиматься, уютно располагаться’ (*snuggle in, cuddle up*), которое, на наш взгляд, все-таки нельзя вписать в наличествующий контекст без некоторого насилия над последним: как нам представляется, лексема *aunnuren* со значением ‘прижиматься’ предполагала бы использование предлога *tsu* (ср. идиш. *tsunuren zikh tsu emetsn*, а также англ. *to cuddle up to smb*), не говоря уже о чисто лексической «корявости» выражения *прильнуть к самой себе*. При этом, в то время как в словаре С. Бейнфельда — Г. Бохнера лексема *nuren* приводится как вариант *aunnuren zikh* с вышеприведенным значением, в словаре Б. Вайнблага упоминается лишь лексема *nuren v*, по сути, этимологическом значении ‘погружаться, увязать, оседать, уткнуться’, а форма *aunnuren zikh* отсутствует. Таким образом, успешность определения точного значения интересующей нас лексемы в вышеприведенном контексте в какой-то мере завистит и от предварительного установления ее первоначальной языковой формы и, соответственно, этимологии.

Как нам представляется, данная лексическая единица была исторически заимствована идишем из славянских языков и, таким образом, восходит к праславянскому корню **nur-* — ‘опущенный’ (ср. укр. *понуруювати* — ‘опускать книзу’, польск. *nurzać*; укр. *занурювати* — ‘погружать’; русск. *понурий*, укр. *понурий*, польск. *ponury/ponurzy* — ‘с уныло опущенной головой, мрачный, угрюмый’). При этом наибольший интерес в интересующем нас контексте представляют украинские лексемы *зануритися (у щось)* — ‘погрузиться, уйти с головой’ и, наконец, *зануритися в себе* — ‘уйти в себя’, тогда как отсутствие в украинском языке глаголов **принуритися (до когось)*, **внуритися (у щось)* и т. п. указывает на давность заимствования и его значительную ассимилированность идишем. Исходя из этого, можно констатировать наличие в идише (или же, как минимум, в авторском его варианте) двух в какой-то степени омонимичных корней со значениями ‘лгнуть, прижиматься, сворачиваться калачиком’ (ср. *tsunuren zikh tsu emetsn*) и ‘погружаться, уходить с головой (*во что-либо* — в том числе и *в себя*)’, а литературный перевод приведенного отрывка может, таким образом, иметь примерно следующий вид: «Надвинувшиеся сумерки принесли с собой гнетущую тоску. Прачка Шифра сидела у железной печурки, грела свои красные, разбухшие от воды руки, а в голове, словно тени, медленно проползали мысли. Она сидела неподвижно, словно задремав, и какая-то мертвенная усталость проглядывала сквозь щелки ее полуприкрытых, затененных глаз. Часы тянулись, как мороз за окном, — медленно и уныло... Мгновение да еще мгновение — это не всегда два мгновения... Шифра *ушла в себя*. Красно-желтые отблески пламени танцевали на ее

лице, которое в оранжевом освещении выглядело особенно бледным и серьезным, казалось изрезанным, а в ушах странно звенела тишина».

Еще одним ярким примером подобного типа может служить используемая писателем лексема **arbuz**:

«Shpam in ponem freylekhe, shpilevdike shneyelekh, valgern zikh unter di trit, batsirn di shtiblekh un finklen arop fun di beymer. Kheyder-yinglekh mit lamterns fun oysgehoyltn arbuz in di foystlekh geyen aheym» [Burg 1980: 147].

В наличествующих словарях идиша слово *arbuz* приводится с единственным значением — ‘арбуз’. Вместе с тем, в широко известном русско-еврейском (идиш) словаре авторства Р. Лернера, Е. Лойцкера, М. Майданского и М. Шапиро в качестве соответствий русскому *арбуз* последовательно предлагаются *kavn*, *kavene* и лишь затем *arbuz*. Таким образом, наиболее частотные идишские лексемы со значением ‘арбуз’ восходят к украинскому или же белорусскому языкам (ср. укр. *кавун*, белорусск. *кавун*, а также южнорусск. *каун*), тогда как идишское *arbuz* может восходить либо к русскому — наиболее вероятный вариант, — либо к польскому языкам (ср., соответственно, русск. *арбуз* и польск. *arbuz*), хотя в последнем находим и *kawon* с тем же значением. С другой стороны, в вышеупомянутых языках, имеющих в своем словарном составе *кавун* со значением ‘арбуз’, находим и лексему *гарбуз* со значением ‘тыква’ (исключение составляет польский язык, в котором значение ‘тыква’ чаще всего передается лексемой *dynia*). Однако в нормативном идише значение ‘тыква’ передается при помощи лексемы *kirbes*, в свое время заимствованной из немецкого (ср. *Kürbis*), что в какой-то мере размывает парную оппозицию *кавун* : *арбуз* и *гарбуз* : *тыква*, *dynia*, характерную для контактирующих с идишем славянских языков (ср. одновременное наличие в идише — опять-таки во многом благодаря семантико-этимологической четкости идишского *kirbes* — лексем *dynie* и *melon* со значением ‘дыня’, польские дублеты которых, наоборот, четко противопоставлены). По аналогии с этим, значение идишского *arbuz*, как нам представляется, могло несколько варьировать от диалекта к диалекту, в какой-то мере подпадая под влияние соответствующего контактирующего языка.

К аналогичным выводам, на наш взгляд, подталкивает и контекст приведенного отрывка, содержащего лексему *arbuz*: в случае с горной частью Буковины, арбуз мог представлять собой лишь покупной продукт питания, имеющий соответствующий (крупный, а следовательно малопригодный для детской руки) размер (мелкие же арбузы, по большому счету, несъедобны), разрезаемый на ломтики (а не выдалбливаемый) с целью извлечения мякоти и, как известно, не предполагающий особо длительного хранения (во всяком случае, не до того, как выпадет — пусть даже первый — снег)... Значение же ‘тыква’, наоборот, куда лучше подходит по контексту: она широко

распространена на всей территории Буковины, может иметь различную форму и достигать самых разных размеров, в пищу людям чаще идет даже не мякоть тыквы, а ее семена (извлечение которых не предполагает необходимости разрезания плода на мелкие части), сезон сбора тыквы приходится на осень, а храниться она вполне может до ранней зимы. Долбленые же изделия из тыквы (посуда, чубуки трубок, ударные музыкальные инструменты и проч.) и вовсе широко известны. Ввиду этого, литературный перевод интересующего нас отрывка может звучать следующим образом: «В лицо врезаются веселые, игривые снежинки, валяются под ноги, украшают избушки и искрятся на ветках деревьев. Учащиеся хедера, сжимающие в кулачках выдолбленные из тыкв фонарики, расходятся по домам».

Аналогичным образом, под влиянием украинского языка, происходит и переинтерпретация значения идишской лексемы **toleke**, которая приводится лишь в словарях У. Вайнрайха и С. Бейнфельда — Г. Бохнера с единственным значением — ‘луг, пастбище’ (meadow, pasture):

«— Farshteyst, in klub iz haynt a vetsher... studentn, splavnikes... nu, vi in undzere tsaytn af der toleke... — bald hot er zikh ober gekhapt, az der farglaykh iz nit keyn gerotener. — Nit ingantsn azoy... Dorn iz vi in a teater, farshteyst?» [Burg 1980: 15].

В украинском же языке лексема *толока* имеет два значения — ‘оставленное под пар поле, служащее пастбищем для скота’ и ‘(диал.) какой-либо свободный участок земли у деревни, где молодежь собиралась на игрища’. Как явственно следует из приведенного отрывка, в виду имеется именно второе из этих значений, вследствие чего перевод на русский язык может выглядеть следующим образом: «— Понимаешь, в клубе сегодня вечер... студенты, плотогоны... ну, как в наше время на игрищах... — он, однако, тут же спохватился, осознав, что это не совсем удачное сравнение. — Не совсем так... Там как в театре, понимаешь?».

Влиянием украинского языка, на наш взгляд, объясняется и не совсем типичное использование писателем лексемы **shretele**, -kh — ‘леший’ (по данным словаря Б. Вайнבלата, ср. shretl, -ekh — ‘карлик, лилипут, гном’ из этого же словаря, а также из словаря С. Бейнфельда и Г. Бохнера (goblin, gnome, dwarf)) в окказиональном значении ‘искорка, огонек’ — дело в том, что украинское идиоматическое выражение *бісики пускати/посилати очима* имеет значение ‘строить глазки’:

«Stella tselakht zikh mit a gleklidn gelekhter, in di oygn shpringen arum boye shretelekh, un der heyser kuper fun ire hor tsevarft a varem kayt iber ir eydl geshnitst ponem²³» [Burg 1983: 42].

²³ ‘Стелла смеется своим колокольчатым смехом, в глазах поблескивают голубые искорки, а жаркая медь волос разливает тепло по ее тонко очерченному лицу’.

В одном случае И. Бург, наоборот, избегает нового заимствования, используя также заимствованную из русского или украинского языков, но уже значительно ассимилированную идишем лексему в новом значении (подобное словоупотребление, на наш взгляд, можно рассматривать как пример так называемых «заимствований-сдвигов» (loan-shifts) в терминологии Э. Хаугена) [Haugen 1972: 354]. Речь идет об использовании лексемы **katerinke** в двух независимых друг от друга контекстах:

«In di zumerdike zuntikn, ven hutsulische yungen un meydlekh hobn zikh tsunoyfgeklibn af der lonke, un bam betler in zayne alte hent hot getsitert di katerinke, hot Khaye getatnst in karahod, un s'hobn gefinklt ire oygn» [Burg 1980: 23–24].

И, соответственно:

«Der alter hot farmogt a tife, niderike, etvos heyzerikleke shtime. Nor koym hot er zikh farklibn tsu di oybershte notn, hot zayn kol geklungen yung un reyn, un di katerinke hot opgeentfert mit a yomerlekhn triler» [Burg 1997: 116].

В наличествующих словарях идиша зарегистрировано только два значения идишского *katerinke*: ‘шарманка’ и ‘развалюха, драндулет (*о старом автомобиле*)’ (*jalory*), причем в уже упоминавшемся «красном» русско-еврейском (идиш) словаре именно эта лексема предлагается в качестве основного эквивалента русскому *шарманка*. Приведенные примеры, на первый взгляд, допускают и такое истолкование значения интересующей нас лексической единицы, хотя при этом остается не совсем понятным, почему шарманка (?) «дрожит» в руках нищего. Как известно, шарманка представляет собой довольно объемный и увесистый, чаще всего напольный инструмент, который старик, вероятнее всего, был бы просто не в силах удержать (особенно учитывая, что одна рука была бы занята вращением заводной ручки), не говоря уже об отсутствии подобной необходимости. Во втором случае аналогичных сложностей не наблюдается, однако несколькими предложениями ниже читаем: «Der betler hot opgezungen dem letstn kuplet un fardekt di strunes mit zayn breyter hant, glyakh er volt dershtikt di klangen»²⁴ [Burg 1997: 116]. Как известно, шарманка не имеет струн и представляет собой, по сути, механический прибор, состоящий из трубок, мехов и валика с шипами (ср. английское название шарманки *street/barrel organ*). Таким образом, становится ясно, что в виду имеется не шарманка, а некий струнный музыкальный инструмент, довольно компактный, не особо

---

²⁴ ‘Нищий допел последний куплет и накрыл струны своей широкой рукой, словно хотел задушить их звуки’.

редкий или дорогостоящий (скорее всего, народный), а также имеющий нечто общее с шарманкой, чем и мог бы объясняться перенос значения идишской лексемы *katerinke*. Подобный инструмент находим без особого труда — это колесная лира (англ. *hurdy-gurdy*), представляющая собой как раз струнный фрикционный музыкальный инструмент, при игре на котором роль смычка выполняет вращающееся колесо. Исполнитель держит лиру на коленях, правой рукой вращает колесо, а левой перебирает клавиши, удлиняющие или укорачивающие одну или более струн инструмента для воспроизведения мелодии (ср. «*in zayne alte hent hot getsitert di katerinke*»). Таким образом, верными будут приблизительно следующие варианты перевода: «В те солнечные воскресные дни, когда гуцульские парни и девушки собирались на лужайке, а в старых руках нищего дрожала <колесная> лира, водила Хая хоровод, и в ее глазах мерцали искорки» и, соответственно, «У старика был глубокий, низкий, слегка хрипловатый голос. Но стоило ему взять самые высокие ноты, как этот же голос зазвучал молодо и чисто, а лира ответила ему жалобной трелью».

Как явствует из вышесказанного, словоупотребление И. Бурга характеризуется рядом особенностей, которые недостаточно учтены в наличествующих лексикографических изданиях. Кроме того, в ряде случаев тексты писателя содержат лексические единицы, могущие с высокой степенью вероятности рассматриваться как региональные. Совокупность подобных факторов указывает на необходимость продолжения работы в данном направлении.

БИБЛИОГРАФИЯ

Вайнблат Б. Еврейско-русский словарь. М. — Кфар-Саба, 2012.

Рохкинд С., Шкляр Г. Еврейско-русский словарь. Минск: Изд-во Акад. наук БССР, 1940.

Самотик Л. Словари внелитературной лексики как разновидность авторских словарей (проблемы и решения) // Вопросы лексикографии. 2013. № 2 (4). С. 19–31.

Солдатов А. Большой идиш-русский словарь. М.: Книжный лес, 2011.

Федченко В. Идиш-русская/украинская/белорусская лексикография: новый этап // Народ книги в мире книг. 2013. №104. Ресурс: http://narodknigi.ru/journals/104/idish_russkaya_ukrainskaya_belorusskaya_leksikografiya_novyy_etap

Хауген Э. Процесс заимствования // Новое в лингвистике. Вып. VI. М.: Прогресс, 1972. С. 344–382.

Beinfeld S., Bochner H. Comprehensive Yiddish-English Dictionary. Bloomington — Indianapolis: Indiana University Press, 2013.

Burg Y. Dos lebn geyt vayter. Moskve: “Sovetskiy pisatel”, 1980.

Burg Y. Iberuf fun tsaytn. Moskve: “Sovetskiy pisatel”, 1983.

Burg Y. *Tsvey veltn*. Chernivtsi — Odessa: Mame-loshn, 1997.

Greenbaum A. *Yiddish Language Politics in the Ukraine, 1930 — 1936 // Politics of Yiddish. Studies in Language, Literature, and Society. Vol. IV / Ed. by Dov-Ber Kerler*. Walnut Creek: AltaMira Press, 1998.

Harkavy A. *Yiddish-English-Hebrew Dictionary: A Reprint of the 1928 Expanded Second Edition*. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research; Schocken Books, 1988.

Weinreich U. *Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary*. N. Y.: YIVO Institute for Jewish Research, 1968.

BIBLIOGRAPHY

Vaynblat, B. (2012) *Yevreysko-russkiy slovar* [Yiddish-Russian Dictionary]. Moscow — Kfar-Saba.

Rokhkind, S., Shklyar, G. (1940) *Yevreysko-russkiy slovar* [Yiddish-Russian Dictionary]. Minsk: Izdatel'stvo Akademii nauk BSSR.

Samotik, L. (2013) Slovari vneliteraturnoy leksiki kak raznovidnost avtorskikh slovarey (problemy i resheniya) [The Dictionaries of Extra-Literary Words as a Type of Author Language Dictionaries (Problems and Solutions)]. *Voprosy leksikografii*, 2 (4), 19–31.

Soldatov, A. (2011) *Bolshoy idish-russkiy slovar* [Comprehensive Yiddish-Russian Dictionary]. Moscow: Knizhnyy les.

Fedchenko, V. (2013) Idish-russkaya, ukrainskaya, belorusskaya leksikografiya: novyy etap [Yiddish-Russian, Ukrainian, Byelorussian Lexicography: the New Stage]. *Narod knigi v mire knig*, 104. URL: http://narodknigi.ru/journals/104/idish_russkaya_ukrainskaya_belorusskaya_leksikografiya_novyy_etap

Haugen, E. (1972) Protseess zaimstvovaniya [The Process of Borrowing]. *Novoye v lingvistike*. Vypusk VI. Moscow, Progress, 344–382.

Beinfeld, S., Bochner, H. (2013) *Comprehensive Yiddish-English Dictionary*. Bloomington, Indianapolis: Indiana University Press.

Burg, Y. (1980) *Dos lebn geyt vayter* [Life Goes On]. Moscow, Sovetskiy pisatel.

Burg, Y. (1983) *Iberuf fun tsaytn* [Times Are Calling to One Another]. Moscow, Sovetskiy pisatel.

Burg, Y. (1997) *Tsvey veltn* [Two Worlds]. Chernivtsi — Odessa: Mame-loshn.

Greenbaum, A. (1998) *Yiddish Language Politics in the Ukraine, 1930 — 1936. Politics of Yiddish. Studies in Language, Literature, and Society*, vol. IV. Ed. by Dov-Ber Kerler. Walnut Creek, Alta Mira Press.

Harkavy, A. (1988) *Yiddish-English-Hebrew Dictionary: A Reprint of the 1928 Expanded Second Edition*. N. Y., YIVO Institute for Jewish Research; Schocken Books.

Weinreich, U. (1968) *Modern English-Yiddish Yiddish-English Dictionary*. N. Y., YIVO Institute for Jewish Research.

JUDAICA PETROPOLITANA

ISSN 2307-9053

Scholarly Journal № 5' 2016

Научно-теоретический журнал № 5' 2016

Подписано в печать с готового оригинал-макета 31.08.2016.

Формат 60 × 90 1/16. Бум. офсетная.

Печать офсетная. Усл. печ. л. 10.

Тираж 550 экз. Заказ № 236.

Издательство «Академия Исследования Культуры»,
197343, Россия, Санкт-Петербург, ул. Чапыгина, д. 6, лит. А

Тел.: +7 (981) 699–6595;

E-mail: post@arculture.ru

<http://arculture.ru>

Отпечатано в типографии «Литография»,
191119 Санкт-Петербург, ул. Днепропетровская, д. 8

THE HEBREW UNIVERSITY
IN JERUSALEM

האוניברסיטה העברית בירושלים
המרכז להוראת תרבות ישראל
באוניברסיטאות בעולם

SAINT PETERSBURG
STATE UNIVERSITY

האוניברסיטה הממלכתית
בסנקט-פטרבורג
המחלקה לתרבות ישראל

JUDAICA PETROPOLITANA

כתב עת מדעי
ה תשע"ו

Академия
Исследования Культуры

ירושלים
תשע"ו

סנקט-פטרבורג
2016